

Ф.Г. Жарский

ЛЮТОВ

ЛЮТОВ КИРИЛЛ ВАСИЛЬЕВИЧ — главный герой-рассказчик цикла рассказов И. Бабеля «Конармия». Он ведет рассказ о себе и бойцах Первой конной во время советско-польской войны. Окружающие зовут Лютова по фамилии, иногда Лютыч, в одном случае полным именем и отчеством. Лютов высокообразованный интеллигент — «кандидат прав Петербургского университета», прикомандирован к штабу дивизии и работает в газете «Красный кавалерист».

Лютов убежденный сторонник революции и революционных войн. Рассуждения старика Гедали об Интернационале он дополняет решительным утверждением: революция невозможна без насилия.

Лютову очень нелегко в среде полуграмотных, невежественных, обуянных классовой ненавистью казаков. Вот как встретил его начдив шесть Савицкий, в распоряжение которого Лютов прислан: «...Провести приказом и зачислить на всякое удовольствие, кроме переднего... Шлют вас, не спросясь, а тут режут за очки».

Квартирьер объяснил Лютову: «Канитель тут у нас с очками... Человек высшего отличия — из него здесь душа вон. А испортить вы... самую чистенькую даму, тогда вам от бойцов ласка...».

Вот как рисует Лютов свою первую встречу с бойцами: «...Я приложил руку к козырьку и отдал честь казакам. Молодой парень с... прекрасным рязанским лицом подошел к моему сундучку и выбросил его за ворота. Потом он повернулся ко мне задом и с особенной сноровкой стал издавать постыдные звуки». Лютов собрал сундучок и рассыпавшиеся рукописи и лег на землю, «чтобы прочесть речь Ленина на Втором конгрессе Коминтерна». Издевательства казаков продолжались. Момент был критический. На карту была поставлена жизнь Лютова.

Лютов «отложил газету ... подошел к хозяйке» и грубо потребовал еды. Хозяйка отказала. «Господа бога душу мать, — пробормотал я тогда с досадой и толкнул старуху кулаком в грудь, — толковать мне тут с вами...». Схватив «чужую саблю, валявшуюся неподалеку», Лютов убил хозяйского гуся, ходившего по двору. «Господа бога душу мать! — сказал я, копаясь в гусе саблей. — Изжарь мне его, хозяйка».

Отношение казаков к человеку в очках сразу переменялось. «Парень нам подходящий, — сказал обо мне один из них, мигнул и зачерпнул ложкой щи... — Братишка, — сказал мне вдруг... старший из казаков, — садись с нами снедать, поколе твой гусь доспеет...».

«Потом мы пошли спать на сеновал. Мы спали шестеро там, согреваясь друг от друга... и только сердце мое, обагренное убийством, скрипело и текло».

Вскоре Лютов становится «обладателем тачанки и кучера в ней» — «повозочного» Грищука, присланного из штаба. «Я испытываю восторг первого обладания», — так описывает свое состояние Лютов.

Приблизительно таким же образом добывает себе пропитание Лютов и в дальнейшем. Вот эпизод из новеллы «Замостье»:

«Вина, — сказал я хозяйке, — вина, мяса и хлеба!» Старуха сидела на полу и кормила из рук спрятанную под кроватью телку. «Ниц нема, — ответила она равнодушно. — И того времени не упомню, когда было...». Тогда Лютов «вынул спички из кармана и поджег кучу соломы на полу». После этого хозяйка «побежала в сени и вернулась с кувшином молока и хлебом».

Иная ситуация возникает в новелле «Песня». «На постое в сельце Будятичах, – рассказывает Лютов, – мне пала на долю злая хозяйка. Она была вдова, она была бедна; я отбил много замков у ее чуланов, но не нашел в них живности.

Мне оставалось исхитриться, и вот однажды, вернувшись рано домой... я увидел, как хозяйка приставляла заслонку к неостывшей печи. В хате пахло щами и, может быть, в этих щах было мясо. Я... положил револьвер на стол, но старуха отпиралась... она смотрела на меня с испугом и удивительной ненавистью... Я донял бы ее револьвером, кабы мне не помешал в этом Сашка... Христос. Он вошел в избу с гармоникой под мышкой.

“Поиграем песни”, – сказал он... и проиграл вступление». «В этот вечер, – признается Лютов, – когда я обманулся в хозяйских щах, Сашка смирил меня полузадушенным и качающимся своим голосом».

Растроганная песнями и тем, что Сашка «притащил ведро воды в хату», хозяйка переменяла отношение к бойцам: «Вишь, сердце мое, – сказала ему хозяйка... и показала на меня, – вот начальник твой пришел давеча, накричал на меня, натопал, отнял замки у моего хозяйства и оружие мне выложил... Это грех от Бога — мне оружие выкладывать: ведь я женщина...».

Щей у хозяйки так и не оказалось, но Сашке она позволила лечь на ночь с собой.

Есть, однако, вещи, преодолеть которые в себе Лютов не может. Умирающий от смертельной раны («Смерть Долгушева») телефонист Долгушов просит оказавшегося рядом Лютова пристрелить его: «Патрон на меня надо стратить... Наскочит шляхта — насмешку сделает...». «Нет, – ответил я и дал коню шпоры...». Подъехавший казак Афонька Бида, выслушав раненого и взяв его документы, выстрелили Долгушову в рот.

«Афоня, – сказал я с жалкой улыбкой и подъехал к казаку, – а я вот не смог». «Уйди, – ответил он, бледнея, – убью! Жалеете вы, очкастые, нашего брата, как кошка мышку... И взвел курок...». Только заступничество повозочного Грищука спасло Лютова от расправы.

Во время неудачной атаки при Чесниках («После боя»), дивизия стала отступать. Начдив шесть приказал Лютову заворотить бойцов, но Лютов не в состоянии этого сделать, ибо он пользуется только словом, и в нагане у него даже патронов нет.

«Я... подъехал к киргизу Гулимову, скакавшему неподалеку...

— ...Гулимов, – сказал я, – завори коня...

— Кобылячий хвост завори, – ответил Гулимов и оглянулся... воровато, выстрелил и опалил мне волосы над ухом.

— Твоя завори, – прошептал Гулимов, взял меня за плечи и стал вытаскивать саблю другой рукой...

Мне сделалось тошно от близости смерти... я отвел лицо киргиза... и расцарапал его так глубоко, как только мог». Освободившись от Гулимова, Лютов встречает «бывшего повозочного Ревтрибунала» Акинфиева.

«— ...Ты в атаку шел, – закричал мне вдруг Акинфиев, и судорога облетела его лицо, – ты шел и патронов не залаживал... Где тому причина?... Поляк тебя да, а ты его нет... – бормотал казак...

— Поляк меня да, – ответил я дерзко, – а я поляка нет...

— Значит, ты молокан? – прошептал Акинфиев, отступая.

— Значит, молокан, – сказал я громче прежнего. – Что тебе надо?

— Мне того надо, что ты при сознании... а у меня про молокан есть закон писан: их в расход пускать можно, они Бога почитают... ты Бога почитаешь, изменник...

Он дергал и рвал мой рот, я отгалкивал припадочного и бил его по лицу...».

Драматический эпизод заканчивается тем, что изнеможенный от событий дня Лютов вымаливает «у судьбы простейшее из умений — умение убить человека».

В новелле «Вечер» Лютов так рассказывает о своем состоянии: «...У заснувшего пруда сидел я в очках, с чирьями на шее и забинтованными ногами. Смутными поэтическими

мозгами переваривал я борьбу классов, когда ко мне подошел Галин (сотрудник газеты «Красный кавалерист»)..

— Галин, — сказал я, пораженный жалостью и одиночеством, — я болен, мне, видно, конец пришел, и я устал жить в нашей Конармии...»

«Я решил перейти в строй», — рассказывает о себе далее Лютов в новелле «Аргамак». В строю он надеется успешнее преодолеть недостатки своего характера и стать по-настоящему своим в среде казаков. Начдив относится к этому решению Лютова трезво: «Куды ты прешься?... Развесишь губы — тебя враз уконтропупят...» Лютов все же «настоял на своем».

«Служба моя началась, — повествует Лютов, — редким предзнаменованием удачи — мне дали лошадь». Это была лошадь по кличке Аргамак казака Тихомолова, которого за провинность заслали в обоз.

Однако надеждам Лютова не суждено было сбыться. «Мука, которую я вынес с Аргамак, рассказывает он, едва ли не превосходила меру человеческих сил... Шаг Аргамака был длинен, растянут, упрям. Этим дьявольским шагом он выносил меня из рядов, я отбивался от эскадрона и, лишенный чувства ориентировки, блуждал потом по суткам в поисках своей части, попадал в расположение неприятеля, ночевал в оврагах, прибывался к чужим полкам...»

Но главная беда Лютова была в том, что, не умея ездить верхом, он испортил коня. «Я сбил ему спину. По ней пошли язвы... Мухи разъедали эти язвы. Обручи запекшейся черной крови опоясали брюхо лошади. От неумелойковки Аргамак начал засекается, задние ноги распухли... Аргамак отошал... не давался седлать...».

Казаки не могли простить Лютову этой тяжкой вины. «Аннулировал ты коня, четырехглазый», — сказал ему взводный. «При мне казаки молчали, тревожился Лютов, за моей спиной они готовились, как готовятся хищники...»

Вскоре коня увидел его бывший хозяин Павел Тихомолов. Он «как вкопанный стоял перед лошадей» и не принял предложения помириться от сознающего тяжесть своей вины Лютова. На стороне Тихомолова были все казаки, любившие и ценившие лошадей. «Я был, — отмечает Лютов, — один среди этих людей, дружбы которых мне не удалось добиться».

«Ты меня врагом наделил», — упрекнул Лютов командира эскадрона Баулина, давшего ему лошадь Павла Тихомолова.

Ответ командира звучит вполне в духе революционного времени: «Я тебя всего вижу... Ты без врагов жить норовишь... ты к этому все ладишь — без врагов... Это скука получается... Пошел от нас к трепаной матери...».

«Мне пришлось уйти. Я перевелся в 6-й эскадрон, — рассказывает Лютов, — там дела пошли лучше. Как бы то ни было, Аргамак научил меня тихомоловской посадке. Прошли месяцы... Казаки перестали провожать глазами меня и мою лошадь».

В последней новелле «Конармии» Лютов, уже вполне сложившийся командир, имеющий ординарца — оренбургского казака Мишку Суровцева, уважающего своего командира и способствующего его амурным делам.

В местечке Бурятчи Лютов остановился на квартире школьного учителя — парализованного старика и его дочери Елизаветы Алексеевны Томилиной с шестилетним сыном Мишей. Томилина, по словам ординарца Лютова, успевшего поговорить с женщиной, «вдовеет после офицера, убитого в германскую войну, ведет себя исправно, но хорошему человеку... может себя представить».

Неуклюжие хлопоты ординарца Суровцева поначалу только напугали дочь учителя («Ты поближе к нам лягай, мы люди живые»). В дом нагрянули «немошные гости, приготовившиеся защитить честь Елизаветы Алексеевны, и... всю ночь играли в карты».

Утром Лютов, «встретив Томилину в коридоре», с обидой сообщил ей, что «окончил юридический факультет» и принадлежит «к так называемым интеллигентным людям».

Жизнь во фронтовой полосе, «страх и неведение», стремление иметь сильных покровителей, побудили «семью учителя... добрых и слабых людей», к сближению с военными постояльцами. «Детская боязливая радость овладела ими, когда я рассказал о Ленине, о Москве, в которой бушует будущее, о Художественном театре. По вечерам к нам приходили двадцатилетние большевистские генералы... Мы курили московские папиросы, мы съедали ужин, приготовленный Елизаветой Алексеевной из армейских продуктов, и пели студенческие песни... Парализованный слушал с жадностью... Старик жил все эти дни, отдавшись бурной, внезапной, неясной надежде, и... старался не замечать в нас некоторого щегольства кровожадностью и громогласной простоты, с какой мы решали к тому времени все мировые вопросы».

На семейном совете было решено, что после победы над поляками Томилины переедут в Москву, старик будет вылечен «у знаменитого профессора», его дочь «поступит учиться на курсы».

Лютову удалось добиться взаимности Елизаветы Алексеевны, но развитию их отношений помешала ночная тревога. «Поляки прорвали фронт... Мы, отбиваясь, стали уходить». Отступая, после тяжелых боев, часть Лютова оказалась «в девяти верстах от Будятичей». Лютов с ординарцем навестили семью учителя. Дом их был занят военными, «Томилины загнаны в одну комнату». «Мы ушли с Томилиной, рассказывает Лютов, в дощатую пристройку, где на зиму складывали картофель... Незадолго до рассвета к нам постучался Суровцев».

Елизавета Алексеевна настойчиво повторяет свой вопрос: «Когда вы увезете нас?» Ответа она так и не получает.

Суровцев выталкивает Лютова на улицу, не дав проститься со стариком. «Томилина подала мне похолодевшую руку...»

Лютов, в отличие от Томилиной, испытывает совсем другие чувства: «Ликование утра переполняло мое существо». Он упрекнул ординарца в том, что тот «рано вспугнул» влюбленных. Суровцев отвечает, что «и раньше бы вспугнул», если бы не внезапная смерть переволновавшегося отца Елизаветы Алексеевны, о чем еще не знали при расставании Томилина и Лютов.

Известие о смерти старика не взволновало Лютова. Он никак не выразил ординарцу своего отношения к его поступку. Так проще. Ничто не осложнило расставания Лютова с дочерью учителя.

Книга кончается скупыми словами Лютова: «Мы приехали вовремя. В эскадроне поднимали людей... В это утро наша бригада прошла бывшую государственную границу Царства Польского». Лютов и Елизавета Алексеевна разделены теперь навсегда.